

**Сравнительный анализ естественного движения
крестьянства центральных и северо-западных губерний
Европейской России
во второй половине XIX — начале XX века**

Путем использования математико-статистических методов проведено сравнение демографических процессов в двух больших регионах России — Центральном и Северо-Западном — для определения специфики начального этапа демографического перехода в крестьянской среде разных территорий Российской империи. Делается вывод, что для демографии весомее, чем географический фактор, был отрыв от земледельческой деятельности, втянутость села в торгово-промышленное развитие, которое не требовало предельно большого числа душ и работников в отдельной крестьянской семье. Приверженность многих крестьян и Северо-Запада, и Центра страны общине вплоть до 1910-х гг. обусловило сохранение традиционных черт естественного движения русского сельского населения.

В современных историко-демографических исследованиях наметился явный дефицит работ о процессах, так сказать, среднего уровня. Устойчивой остается традиция издания трудов, посвященных общероссийским демографическим процессам [1—6]. Своеобразие этого круга книг — затушевывание, пусть и зачастую непреднамеренное, того, что Россия всегда была страной больших разнообразных регионов, применение к которым единых макропоказателей порождает пресловутую «среднюю температуру по палате». Было бы большим упрощением утверждать, что авторы этих изданий, очень крупные и серьезные специалисты в области демографии, не знают и не публикуют в своих работах региональные данные. Но используются они не сами по себе, а главным образом в виде единичных примеров для объяснения общероссийских процессов.

Также нужно заметить, что в последние два десятилетия появилась масса публикаций о демографических процессах микроуровня, где по понятным причинам за деревьями трудно разглядеть лес [7]. Но именно со стороны региональных исследователей прозвучал призыв к поиску механизмов объединения микронаблюдений и макрообобщений в исторической демографии. Одним из первых примеров такого подхода стала конференция в Нижнем Новгороде (2007 г.) и сборник статей по ее итогам [8]. В 2010 г. в Тамбове была организована интернет-конференция, а затем вышел сборник, в котором были представлены различные общероссийские сюжеты (статьи Н. А. Араповец, В. Б. Жиромской, С. А. Нефедова) и статьи о микродемографических процессах в истории Орловской, Тамбовской, Ярославской губерний конца XIX — начала XX в., Воронежской области конца XX столетия [9].

Единственным крупным примером историко-демографических исследований процессов среднего уровня периода конца XIX — начала XX в. можно считать работы пензенского историка С. Д. Морозова [10; 11]. В качестве объекта изучения он выбрал 23 губернии Центральной России, включая Центрально-Промышленный, Центрально-Земледельческий и Северо-Западный районы. К сожалению, С. Д. Морозов в самом общем виде формулирует принципы районирования («при выделении данного региона был учтен комплекс главных критериев-факторов районирования: экономико-географические, культурные, национально-этнические») и при этом никак не опирается на географическую литературу [10, с. 3—4].

Признавая право автора на собственную постановку вопроса об историко-географическом районировании России, все-таки позволим

себе не согласиться с включением Северо-Запада в понятие «Центральная Россия». В географической литературе многие крупные авторы признавали Северо-Запад как самостоятельный природно-климатический и экономико-географический регион (К. И. Арсеньев, 1818; П. П. Семенов, 1871, 1877—78, 1900; А. А. Крубе, 1907). Его специфичность признали и историки (Н. М. Дружинин, И. Д. Ковальченко, Л. И. Бородкин) [12, с. 8; 13, с. 59—95; 14, с. 73].

В связи со сказанным, принимая во внимание спорность любых изначальных «преднамеренных» группировок, мы предпочли проводить сопоставление показателей естественного движения сельского населения на уровне губерний и только затем учитывать специфику отдельных районов Европейской России. Особой задачей данной статьи является апробация некоторых математико-статистических методов для сравнения двух больших регионов страны — Центрального и Северо-Западного — и определение в конечном итоге специфики начального этапа демографического перехода в крестьянской среде разных территорий России.

При отборе губерний мы решили следовать принятому у большинства географов и историков включению в Центральный промышленный нечерноземный район Владимирской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской и Ярославской губерний, в Центральный земледельческий черноземный — Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний, в Северо-Западный — Новгородской, Псковской и Санкт-Петербургской губерний. Особо мы отнеслись к включению в Северо-Западный регион Олонецкой губернии. Понимая спорность этого решения и с географической (по природным показателям она ближе к северу, чем к западу Европейской России), и с этнической (около 20% жителей в ней — нерусское население), и с точки зрения состава крестьянства (доля бывших крепостных крестьян в сельском населении — лишь около $\frac{1}{3}$), мы посчитали возможным использовать материалы по данной губернии. Сделано это для того, чтобы понять, было ли сельское население указанного региона в демографическом отношении ближе к селянам «классического» Северо-Запада либо северных территорий или же вообще являлось специфическим.

Источниками для подготовки статьи послужили главным образом справочно-статистические издания общероссийского уровня [15; 16]. Первое из них привлечено потому, что оно включает демографические усредненные за 5 лет данные «переходного» времени под-

готовки и начала реализации крестьянской реформы 1861 г. Такие данные обычно более близки к многолетним трендам. Это отличает их от сведений отдельных лет, на которых могли сильнее сказываться случайные с математической точки зрения ежегодные колебания природно-климатического характера.

К сожалению, для последующих 1860-х гг. мы не выявили ни обобщенных, ни ежегодных демографических общероссийских данных, составленных по единой методике. Мы взяли материалы 1867 г. по той причине, что в них есть погубернские сведения не только о числе браков, рождений, смертей, естественном приросте, но и о численности населения губерний, что необходимо для вычисления общих демографических показателей. Как раз наибольшая источниковедческая «беда» многих подобных справочно-статистических изданий — отсутствие сведений о численности населения отдельных административно-территориальных единиц, что вынуждает прибегать к гипотетическим расчетам такой численности или вести трудоемкие поиски этого показателя в многочисленных и готовившихся по разным методикам региональных изданиях. К тому же 1867 г. был обычным для Восточной Европы в природно-климатическом отношении.

Важным для выбора в качестве объекта исследования 1902 г. оказался природный фактор. Общероссийские материалы о естественном движении населения в этом году значимы еще тем, что тогда впервые в общероссийском издании были опубликованы демографические данные не только по Европейской России, но и по двум сибирским губерниям — Тобольской и Томской.

По мере необходимости для подготовки статьи привлекались региональные источники, которые должны были помочь прояснить какие-либо губернские особенности.

На первой стадии исследования было решено построить простые группировки показателей естественного движения для губерний Центра и Северо-Запада Европейской России без «преднамеренных» группировок для трех избранных временных «отсечек» — 1859—1863 гг., 1867 г., 1902 г. Это позволило проследить динамику показателей за 40 пореформенных лет. При анализе коэффициентов использовались экспертные группировки, основанные на делении рождаемости на высокую (51—100‰), среднюю (20—50 ‰), низкую (10—20‰); смертности — на высокую (35—100‰), среднюю (20—35‰), низкую (10—20‰); брачности — на высокую (более 10 ‰), среднюю (5—10 ‰), низкую (менее 5 ‰) [9].

Распределение губерний по общему коэффициенту рождаемости в 1859—1863 гг. показало близость показателей почти всех губерний нашей выборки гипотетическому минимуму естественной рождаемости (ГМЕР), который для этого периода может быть определен не менее чем в 50‰ (табл. 1). Статистики 1860-х гг. рождаемость в сельской местности Европейской России оценивали в 5,09%, или 50,9‰ [15, с. 28]. По расчетам Б. Н. Миронова, данный коэффициент у русского православного сельского населения в 1801—1860 гг. равнялся 50‰ [3, с. 159].

Таблица 1

Коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста, брачности сельского населения в губерниях Центра и Северо-Запада России (в ‰, в среднем за 1859—1863 гг.)

Губерния	Рождаемость	Смертность	Прирост	Брачность
Владимирская	52,5	40,9	11,5	9,9
Воронежская	55	40	14,9	11,7
Калужская	48,2	35	13,1	10,5
Костромская	48,1	37,2	10,9	8
Курская	50,4	36,4	14	11,4
Московская	52	47,4	4,6	9,1
Нижегородская	53,2	43	10,2	9,5
Новгородская	47,1	34	13,1	8,5
Олонская	48,1	47,6	0,5	7
Орловская	56,5	43,4	12,9	10,8
Псковская	50,4	37,5	12,9	9,8
Рязанская	51	35	15,9	11,5
Петербургская	41,8	38,6	2,6	8,4
Смоленская	53,1	40,6	12,4	10,9
Тамбовская	50,7	36	14,6	9,7
Тверская	48,8	38,1	10,7	9,7
Тульская	54,8	44,4	10,5	11,3
Ярославская	46	38,2	7,7	8,2

В рассматриваемой колонке явно выделялась только Петербургская губерния, молодое население которой сильно «притягивала» столица, что, конечно же, влияло на снижение рождаемости в сель-

ской местности. Можно предполагать влияние аналогичного эмиграционного фактора, хотя и в слабой мере, на сельское население близких к Петербургу Новгородской, Олонецкой, Тверской губерний или находящихся рядом с Москвой той же Тверской, а также Калужской, Костромской и Ярославской губерний. Но отклонения от естественного минимума рождаемости там были настолько малы, что, скорее, следует говорить о случайных с точки зрения математики явлениях.

Для нашей темы при анализе группировок коэффициентов рождаемости конца 1850-х — начала 1860-х гг. наиболее существенно то, что Новгородская, Олонецкая и особенно Псковская губернии больше походили на губернии Центра России, нежели соседнюю столичную.

География в группировке коэффициентов рождаемости по губерниям заметнее сказывалась в том, что из них наименьшие показатели имели расположенные выше 56° с. ш. центральные и северо-западные губернии Европейской России.

Уже тогда, в 1860-е гг., в статистическом обозрении де Ливрона было подмечено, что в губерниях «северной полосы» России (из нашей выборки в этот разряд попали Новгородская, Олонецкая, Псковская, Костромская, Тверская, Ярославская), удельный вес женщин был намного выше удельного веса мужчин. Статистики того времени объясняли это обстоятельство тем, что в данной полосе Европейской России господствовали многие промыслы и фабричные занятия, «губящие мужчин больше, чем женщин», а также тем, что много мужчин-рабочих проживало вне семей в столицах [15, с. 27].

В обозрении 1860-х гг. отмечалось, что «в губерниях, сходственных между собой по климату, почве, составу населения, рождаемость представляет довольно сходственные результаты». Составители этого издания во введении выделили, в частности, Центральную группу губерний (Орловская, Воронежская, Тульская, Смоленская, Владимирская, Московская, Рязанская, Тамбовская, Курская, Пензенская и Калужская), где рождаемость равнялась 5,23%, или 52,3‰, Северо-Западную (Псковская, Тверская, Новгородская, Витебская, Санкт-Петербургская) с рождаемостью 4,63%, или 46,3‰, а Олонецкую губернию вообще отнесли к Северной группе с рождаемостью ниже 4,6%, или 46,3‰ [15, с. 28]. В то же время в приложении к обозрению Олонецкой губернии показатель рождаемости и на рубеже 1850—1860-х гг. и в 1867 г. указан свыше 4,7% [15, прил. с. 6—9].

Думается, что «преднамеренные» группировки по районам слишком выпячивают географический фактор и затушевывают внутрирайонную специфику. В результате имеющие очень близкие коэффициенты рождаемости Псковская и Тамбовская или Калужская и Тверская губернии оказываются в разных районах, предопределенных им изначально.

Полагаем, что в еще меньшей степени географический фактор сказался в распределении губерний по показателю смертности — почти везде она оказалась близкой к традиционной — 35—40%. По расчетам статистиков 1860-х гг., этот показатель для сельской местности всей Европейской России составил 3,58%, для Центрального района — 4,2%, для Северо-Запада — 3,67% [15, с. 29]. Согласно подсчетам Б. Н. Миронова, у русского православного сельского населения в 1801—1860 гг. он равнялся 35% [3, с. 159].

В целом повышенная смертность в губерниях Центра может быть объяснена тем, что сравнительно высокая рождаемость в аграрном обществе всегда сопряжена с высокой младенческой смертностью. Но опять-таки «преднамеренные» группировки скрывают многие интересные погубернские детали. Так, показатель смертности в Калужской и Рязанской губерниях был более близок соответствующему показателю Новгородской губернии, нежели показателю расположенной между ними Тульской губернии. А в Тамбовской губернии коэффициент смертности оказался ниже, чем в Псковской и Петербургской губерниях. Вероятнее всего, географический фактор «четко» сказался на повышенной смертности только в северной и холодной Олонецкой губернии. Можно предположить, что очень высокий показатель смертности в сельской местности Московской губернии был связан с работой значительного числа крестьян на расположенных в селах многочисленных промышленных предприятиях с плохой санитарно-гигиенической обстановкой и низким уровнем охраны труда.

Итоговый показатель естественного движения населения — естественный прирост — почти во всех губерниях Центра и Северо-Запада находился в характерном для аграрного общества диапазоне 10—15%, или 1—1,5%, в год. В целом по европейской части России в 1860-е гг. коэффициент естественного прироста составил, по де Ливрону, 1,42%, или 14,2%. В расчетах Б. М. Миронова разница между рождаемостью и смертностью у русского православного сельского населения в 1800—1861 гг. — 15% [3, с. 159].

Сравнительно низкие показатели Петербургской, Ярославской и особенно Олонецкой губернии, вероятнее всего, связаны с сохранением высокой смертности при понижении показателя рождаемости селян. В Московской губернии у крестьян в рассматриваемое пятилетие «обычная» рождаемость сочеталась со значительно повышенной смертностью, причины которой выше мы уже пытались объяснить.

Коэффициент брачности в большинстве рассматриваемых губерний превышал характерные для традиционного общества 10%. По данным обозрения де Ливрона, в целом по Европейской России брачность измерялась в 1,04% (10,4‰). Притом в Центральной России этот показатель оказался равным 1,07% (10,7‰), а на Северо-Западе — 0,93% (9,3‰) [15, с. 29]. Б. Н. Миронов для периода 1801—1860 гг. применительно к русскому православному сельскому населению определил брачность в 10,1‰ [3, с. 159]. И все-таки бросаются в глаза несколько пониженные показатели брачности крестьян Костромской, Новгородской, Олонецкой, Петербургской и Ярославской губерний. Такое явление вполне можно связать с уже отмеченным оттоком молодежи из сельской местности в города.

Для любого историко-демографического исследования важно проследить изменения основных показателей естественного движения населения. Как уже отмечалось, общероссийские публикации дают возможность сопоставить 1859—1863 гг. и 1867 г. (табл. 2):

Таблица 2

Коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста, брачности сельского населения в губерниях Центра и Северо-Запада России в 1867 г.

Губерния	Рождаемость	Смертность	Прирост	Брачность
Владимирская	54,7	45,4	9,3	9,8
Воронежская	51,6	37,6	14	11,4
Калужская	43,8	36,1	7,7	9,4
Костромская	48,2	34,4	13,8	9,4
Курская	56	38,4	17,6	12,4
Московская	54,8	42,6	12,2	8,4
Нижегородская	54,2	43,1	11,1	9,5
Новгородская	42,7	31	11,7	7,7
Олонецкая	47,5	44,2	3,3	9,3
Орловская	58,4	44,2	14,2	10,5
Псковская	50,8	36	14,8	8,4

Окончание табл. 2

Губерния	Рождаемость	Смертность	Прирост	Брачность
Рязанская	54,2	36,1	18,1	10,3
Петербургская	56,6	42,9	13,7	7,2
Смоленская	53,5	40,3	13,2	9,8
Тамбовская	52	36,5	15,5	10,1
Тверская	45,4	39,5	5,9	8,8
Тульская	53,3	40	13,3	10,3
Ярославская	43	35,1	7,9	7,8

Группировка показателей 1867 г. по коэффициенту рождаемости вновь продемонстрировала преобладание регионов с высокой естественной рождаемостью, которая при некоторых колебаниях оставалась в пределах 50—60%. Вместе с тем сохранилась и усилилась тенденция к понижению рождаемости в Калужской, Костромской, Новгородской, Олонецкой и Тверской губерниях. Присутствие среди них Калужской губернии и отсутствие значительно более северных Владимирской, Московской и, особенно, Псковской и Петербургской губерний еще раз свидетельствует, что определяющим был отнюдь не географический фактор. Вероятнее всего, на понижение рождаемости влиял отток молодого крестьянского населения в города. Но, видимо, это движение происходило поэтапно, и часть освобожденного крепостного крестьянства не сразу попадала в Москву или Санкт-Петербург, а поселялась в подстоличных уездах. Только с учетом этого обстоятельства можно объяснить рост в пореформенные годы рождаемости сельского населения Московской и особенно Петербургской губернии. Одной из групп такого пришлого населения могли быть огородники, которые с середины XIX в. арендовали земли в подстоличных уездах для своих занятий [17, с. 106, 108].

В первые годы после крестьянской реформы не произошло никаких резких изменений в коэффициентах смертности, которые оставались в изучаемых губерниях в пределах традиционных 35—40%.

Сохранение характерных для традиционного общества показателей рождаемости и смертности предопределяло почти повсеместно высокий естественный прирост. При этом в 10 из 18 рассматриваемых губерний этот показатель заметно вырос, отражая начавшийся в первые пореформенные годы демографический «бум». Особенно отметим самое крупное увеличение естественного прироста в подстоличных Московской и Петербургской губерниях, даже больше, чем в земледельческом черноземном центре страны. Такое явление, веро-

ятнее всего, можно объяснить притоком в близкие к столицам уезды молодого, энергичного и сравнительно здорового крестьянства из других губерний. «Донорами» процесса были Калужская, Тверская и Ярославская губернии, в которых отмечена и тенденция к снижению брачности, что подтверждает вывод об оттоке крестьянской молодежи.

Существенно данная тенденция проявилась к концу 1860-х гг. также в Новгородской, Псковской и Рязанской губерниях. Не совсем понятны пониженные коэффициенты брачности в Московской и Петербургской губерниях, переживавших приток крестьянского населения и повышение его рождаемости. Может быть, в подстоличных уездах селилось много молодых, но уже семейных крестьян, рожавших вторых и последующих детей.

В целом можно сказать, что в 1867 г. крестьяне северо-западных губерний стали отличаться от крестьянского населения большинства регионов Центральной России несколько пониженной брачностью. В остальном их естественное движение еще соответствовало нормам традиционного общества.

Группировки демографических коэффициентов начала XX в. показывают несколько большее обособление естественного движения крестьянства на Северо-Западе (табл. 3).

Таблица 3

Коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста, брачности сельского населения в губерниях Центра и Северо-Запада России (1902 г.)

Губерния	Рождаемость	Смертность	Прирост	Брачность
Владимирская	54,3	37,3	17	8,1
Воронежская	60,7	42	18,7	10
Калужская	63,8	38,2	25,6	8,6
Костромская	51,1	32,9	18,2	8,3
Курская	55,8	33,1	22,8	9
Московская	55,5	34,3	21,2	7,5
Нижегородская	56,5	40,5	16,1	8,8
Новгородская	46,5	28	18,5	8,1
Олонецкая	50,1	37,2	12,9	9,5
Орловская	59,9	39,3	20,6	8,7
Псковская	46,6	26,9	19,7	9,4
Рязанская	56,2	35,2	21	8,6
Петербургская	39,4	26,3	13,2	6,8

Окончание табл. 3

Губерния	Рождаемость	Смертность	Прирост	Брачность
Смоленская	60,9	37,8	23,1	8,8
Тамбовская	55,9	37,7	18,2	9,5
Тверская	57,1	33,7	23,3	9,5
Тульская	56,3	37,6	18,7	8,3
Ярославская	45,8	24,6	21,2	8,4

Показатель рождаемости в Петербургской губернии к 1902 г. упал ниже уровня в 40‰, то есть сократился на 10 пунктов по сравнению с естественным минимумом. (Известный российский демограф В. А. Борисов исчислил ГМЕР для России 1958—1959 гг. в 49‰; можно уверенно предположить, что в начале XX в. этот показатель составлял не менее 50‰ [18, с. 49—69].) Ниже уровня ГМЕР были коэффициенты рождаемости в Новгородской и Псковской губерниях. Рождаемость в Олонецкой губернии держалась точно на естественно-минимальном уровне. Близкий к северо-западным показатель рождаемости вновь продемонстрировала сравнительно далекая от них Ярославская губерния. Тенденция сокращения рождаемости в Северо-Западном регионе быстрее, чем в Центральном, стала устойчивой и еще более усилилась, по наблюдениям С. Д. Морозова, к 1910-м гг. [10, с. 91]

Скорее всего, на некоторое снижение рождаемости у крестьян великорусских губерний в 1900-е гг. все еще действовал существенный по масштабам выезд молодежи из села. Сколько-нибудь массовых доказательств применения сознательного контроля над рождаемостью в русской деревне самого начала XX в. у историков нет. Мы присоединяемся к мнению Б. Н. Миронова о том, что аборт в России стали заметным явлением только в 1910-е гг. [3, с. 181].

К началу XX в. впервые в сравнении с 1860-ми гг. в четырех губерниях Северо-Запада и Центра коэффициент смертности оказался ниже обычного минимума в 30‰, что явно говорило о первых признаках демографического перехода, который в России начинался с большего сокращения показателя смертности, чем рождаемости. В принципе мы согласны с С. Д. Морозовым, который, подчеркивая сохранение в целом по Центральной России (в его широком толковании этого понятия) традиционного типа смертности, все-таки отмечал некоторые различия между сельским населением Северо-Западного, Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов [10, с. 100], но считаем существенным уточнить, что различия

наблюдались не столько между районами, сколько между отдельными губерниями. Так, у крестьянства центрально-промышленной Ярославской губернии был коэффициент смертности ниже, чем у сельских жителей любой из северо-западных губерний. Другая нечерноземная губерния Центра — Нижегородская — демонстрировала больший показатель смертности в сравнении с тремя черноземными (Курской, Орловской, Тамбовской) и двумя частично черноземными (Рязанской и Тульской). Выше смертность была только в Воронежской губернии.

И все-таки некоторое снижение смертности при сохранении высокой рождаемости у сельского населения двух регионов вело к появлению очень высокого естественного прироста. В сравнительно благоприятном по природно-климатическим условиям 1902 г. в 16 из 18 рассматриваемых губерний такой прирост оказался выше 15%, или 1,5%. Причем, следуя за данными С. Д. Морозова, подчеркнем, что такой уровень прироста в «широком» Центре России стал устойчивым и в целом не менялся до 1914 г. [10, с. 121]. Только Петербургская и Олонецкая губернии в 1902 г. дали несколько меньшие показатели. В первой пониженный коэффициент естественного прироста был связан с нехарактерным для остальной России большим снижением рождаемости, нежели смертности. Применительно ко второй можно говорить о некотором повышении рождаемости и заметном сокращении смертности в сравнении с 1860-ми гг. Впервые по показателю естественного прироста эта губерния немного «не дотянула» до большинства остальных губерний двух изучаемых регионов.

Общий коэффициент брачности 1902 г. во всех рассматриваемых губерниях не превышал 10%, то есть оказался в зоне средней брачности, но явно ближе к высокой. Только у сельских жителей Московской и, особенно, Петербургской губерний он опустился значительно ниже традиционного уровня. Следует согласиться с С. Д. Морозовым, который связывает сокращение брачности в начале XX в. с увеличением возраста первого брака [10, с. 183]. Однако заметим, что в 1900-е гг. это, вероятнее всего, происходило в сельской местности подстоличных губерний.

В группировках брачности по губерниям мы опять-таки не видим очень существенного влияния географического фактора. Так, очень близким к 10% коэффициент оказался в Олонецкой, Псковской, Тверской и Тамбовской губерниях. Напротив, уже невысокие 8% с небольшим отмечены во Владимирской и Новгородской губер-

ниях. Тем самым утверждение С. Д. Морозова о неоднородности брачного поведения сельского населения севера и юга нашими данными 1902 г. не подтверждается.

Важный инструмент повышения объективности исторического познания не только построение относительно простых группировок изучаемых показателей, но и более сложные математические методы, в частности кластерный анализ. Как отмечают социологи, он пока во многом остается периферийной формой гуманитарного познания. Вместе с тем признается, что кластеры показывают удивительную устойчивость и высокий потенциал моделирования изучаемых объектов, позволяют находить группы схожих объектов в выборке данных [19, с. 8, 21]. «Прелесть» многомерного кластерного анализа состоит в том, что он, объединяя объекты по всей совокупности изучаемых признаков, как бы сглаживает явные случайности простых группировок. При сугубо компьютерном построении кластерных группировок, не заданном изначально («преднамеренно»), объективность группировок объектов по схожим признакам повышается.

Некоторое время назад мы предприняли «пробное» построение кластеров показателей естественного движения сельского населения Европейской России в 1900-е гг. Первый опыт проведения такого анализа позволил уловить начальные признаки демографического перехода в сельской России в то время. По совокупным данным 1902 г. о рождаемости, смертности и естественном приросте установлено, что уже нетипичные земледельческие губернии определяли в этот момент сельскую демографическую ситуацию. По показателям рождаемости и смертности ближе к средним показателям Европейской России оказались украинские, белорусские, северно-западные русские губернии, а также Ярославская губерния. Именно в этих регионах заметнее, чем в сугубо земледельческих, просматривались первые признаки демографического перехода — совсем немного в рождаемости, в несколько большей мере в смертности [20, с. 43—55].

В данной статье мы решили несколько расширить кластерные построения. Во-первых, к совокупности изучаемых признаков добавлена брачность. Во-вторых, построены еще две кластерные группировки применительно к средним показателям 1859—1863 гг. (табл. 4) и к показателям 1867 г. (табл. 5). Кластерные построения выполнены профессором Санкт-Петербургского университета С. Г. Кашенко.

Результаты кластерного анализа показателей естественного движения сельского населения губерний Центра и Северо-Запада России (в среднем за 1859—1863 гг.)

1-й уровень	2-й уровень	3-й уровень	4-й уровень	5-й уровень	6-й уровень	7-й уровень
Владимирская	Владимирская	Владимирская	Владимирская	Владимирская	Владимирская	Владимирская
Нижегородская	Нижегородская	Нижегородская	Нижегородская	Нижегородская	Нижегородская	Нижегородская
Смоленская	Смоленская	Смоленская	Смоленская	Смоленская	Смоленская	Смоленская
Воронежская	Воронежская	Воронежская	Воронежская	Воронежская	Воронежская	Воронежская
Калужская	Калужская	Калужская	Калужская	Калужская	Калужская	Калужская
Курская	Курская	Курская	Курская	Курская	Курская	Курская
Рязанская	Рязанская	Рязанская	Рязанская	Рязанская	Рязанская	Рязанская
Псковская	Псковская	Псковская	Псковская	Псковская	Псковская	Псковская
Тамбовская	Тамбовская	Тамбовская	Тамбовская	Тамбовская	Тамбовская	Тамбовская
Тверская	Тверская	Тверская	Тверская	Тверская	Тверская	Тверская
Орловская	Орловская	Орловская	Орловская	Орловская	Орловская	Орловская
Тульская	Тульская	Тульская	Тульская	Тульская	Тульская	Тульская
Костромская	Костромская	Костромская	Костромская	Костромская	Костромская	Костромская
Ярославская	Ярославская	Ярославская	Ярославская	Ярославская	Ярославская	Ярославская
Новгородская	Новгородская	Новгородская	Новгородская	Новгородская	Новгородская	Новгородская
Петербургская	Петербургская	Петербургская	Петербургская	Петербургская	Петербургская	Петербургская
Московская	Московская	Московская	Московская	Московская	Московская	Московская
Олонецкая	Олонецкая	Олонецкая	Олонецкая	Олонецкая	Олонецкая	Олонецкая

Результаты кластерного анализа показателей естественного движения сельского населения
губерний Центра и Северо-Запада России (в 1867 г.)

1-й уровень	2-й уровень	3-й уровень	4-й уровень	5-й уровень	6-й уровень	7-й уровень
Владимирская	Владимирская	Владимирская	Владимирская	Владимирская	Владимирская	Владимирская
Нижегородская	Нижегородская	Нижегородская	Нижегородская	Нижегородская	Нижегородская	Нижегородская
Московская	Московская	Московская	Московская	Московская	Московская	Московская
Смоленская	Смоленская	Смоленская	Смоленская	Смоленская	Смоленская	Смоленская
Тульская	Тульская	Тульская	Тульская	Тульская	Тульская	Тульская
Петербургская	Петербургская	Петербургская	Петербургская	Петербургская	Петербургская	Петербургская
Рязанская	Рязанская	Рязанская	Рязанская	Рязанская	Рязанская	Рязанская
Тамбовская	Тамбовская	Тамбовская	Тамбовская	Тамбовская	Тамбовская	Тамбовская
Воронежская	Воронежская	Воронежская	Воронежская	Воронежская	Воронежская	Воронежская
Костромская	Костромская	Костромская	Костромская	Костромская	Костромская	Костромская
Пековская	Пековская	Пековская	Пековская	Пековская	Пековская	Пековская
Орловская	Орловская	Орловская	Орловская	Орловская	Орловская	Орловская
Курская	Курская	Курская	Курская	Курская	Курская	Курская
Калужская	Калужская	Калужская	Калужская	Калужская	Калужская	Калужская
Тверская	Тверская	Тверская	Тверская	Тверская	Тверская	Тверская
Ярославская	Ярославская	Ярославская	Ярославская	Ярославская	Ярославская	Ярославская
Новгородская	Новгородская	Новгородская	Новгородская	Новгородская	Новгородская	Новгородская
Олонецкая	Олонецкая	Олонецкая	Олонецкая	Олонецкая	Олонецкая	Олонецкая

Кластерные группировки конца 1850-х — начала 1860-х гг. образовались сравнительно быстро и достаточно отчетливо. Объединение уже на 1-м уровне соседних верхневолжских Владимирской и Нижегородской губерний совершенно понятно (напомним, что формально математически при кластерном анализе это 2-й уровень: 1-й — все объекты входят в самостоятельные группы, еще никак не объединенные; при содержательном анализе кластерных группировок формальный первый, а также последний уровни, когда все объекты сливаются в одну группу, отбрасываются, как лишние смысла). В меньшей мере, но все же ясно быстрое объединение в кластер полностью черноземной Курской и частично черноземной Рязанской губерний.

Внешне совершенно непонятно быстрое слияние в одну кластерную группу весьма далеких друг от друга Псковской и Тамбовской губерний. Еще труднее, казалось бы, объяснить присоединение к этим двум на 2-м уровне Тверской губернии. Думается, в данном случае мы имеем лишнее доказательство того, что не географическое положение было главным в формировании особенностей естественного движения русского крестьянского населения. С другой стороны, для ранних уровней кластерного анализа можно предполагать «математический формализм», когда в ранжируемой совокупности с близкими в целом показателями отдельных объектов первоначально группируют объекты с внешне наибольшим сходством «в мелочах».

Вероятно, такими же обстоятельствами следует объяснить присоединение на 2-м уровне к кластеру Владимирской и Нижегородской губерний Смоленской губернии. Более понятно объединение на этом уровне черноземной Курской и в значительной части черноземной Тульской губернии. Данный кластер оказался устойчивым и на 3-м уровне, хотя большинство других губерний включилось в новые объединения.

На 4-м уровне 15 из 18 изучаемых губерний оказались в одном большом кластере, что явно отразило сохранение крестьянством этих территорий принципиально близких традиционных показателей естественного движения. Только сельское население подстоличных Московской и Петербургской губерний сравнительно долго в процессе кластеризации сохраняло особость, но, в конце концов, включилось в единую, еще традиционную в плане демографии группировку. Лишь Олонецкая губерния так и осталась самостоятельной,

вероятно, в силу уже отмечавшихся резких отличий в природно-климатическом и этническом положении, внутрисословном составе крестьянства.

Применительно к данным 1867 г. образование кластеров шло еще сложнее. На 1-м уровне объединились только географически близкие Смоленская и Тульская губернии. Несколько дальше отстояли друг от друга кластеры соседних Владимирской и Нижегородской, Рязанской и Тамбовской губерний, образовавшиеся на 2-м уровне.

Первый крупный кластер, состоявший из части центральных нечерноземных (Владимирской, Нижегородской, Смоленской, Тульской и Московской) губерний появился только на 3-м уровне. Остальные губернии сохраняли существенные с точки зрения кластеризации различия. Даже на 4-м уровне к большому кластеру присоединились только две губернии, и вновь неожиданно с точки зрения географии — черноземные Тамбовская и Воронежская, «получерноземная» Рязанская и отдаленная от них Петербургская губернии. Учитывая дальнейшее развитие этого кластера (на 5-м уровне в него вошли нечерноземные, сравнительно северные и неблизкие к столицам Псковская и Костромская губернии, на 6-м — западно-черноземные Курская и Орловская), можно говорить о заметном единстве традиционного демографического поведения крестьян большей части территории Центра и Северо-Запада Европейской России.

Самое неожиданное было в относительно быстром включении в данный кластер столичных губерний, которые проявляли заметную особость на рубеже 1850—1860-х гг. Мы уже предполагали, что такой демографический «регресс» может быть связан с притоком на близкие к столичным мегаполисам территории сохранивших традиционное естественное движение крестьян из других губерний и Северо-Запада, и Центра.

С другой стороны, на 6-м уровне замедленно сформировался устойчивый (сохранение самостоятельности до последнего уровня) кластер из четырех нечерноземных, но по географическому положению весьма неоднородных Калужской, Тверской, Ярославской и Новгородской губерний. Наиболее обоснованным применительно к ним предположением может быть уже значительный уровень выезда из сельской местности этих территорий молодого населения, сказавшийся уже на проявлении не совсем типичной для аграрного общества брачности и рождаемости.

Кластерные группировки изучаемых губерний в 1902 г. оказались значительно сложнее двух предыдущих (табл. 6).

Только на 10-м уровне 17 губерний объединились в один кластер. А вот Петербургская губерния так и не вошла в единую кластерную группировку. Это позволяет еще раз утверждать, что к началу XX в. заметные признаки демографического перехода стали видны лишь у сельского населения данной столичной губернии. Вместе с тем нельзя говорить об абсолютной общности демографических процессов в остальных губерниях нашей выборки. Вплоть до 4-го уровня не образовалось сколько-нибудь крупного кластера. При этом половина губерний сохраняла значительную самостоятельность. Да и последующие объединения шли очень постепенно.

Все-таки было очевидным первоначальное включение в первый большой кластер всех центрально-промышленных губерний (за исключением Московской) и двух черноземных губерний с самой развитой промышленностью в сельской местности — Курской и Орловской. Тамбовская и Воронежская губернии с менее развитым в торгово-промышленном отношении селом дольше сохраняли специфическое кластерное положение. В нечерноземной полосе долго проявляли специфичность Новгородская, Ярославская и, особенно, Псковская и Олонецкая губернии. Но в итоге последняя попала в единый кластер и как бы «подтянулась» к основному массиву сельского населения двух больших регионов Европейской России, который обнаруживал слабые признаки демографического перехода.

В целом проведенное исследование показало, что географический фактор не был определяющим в естественном движении сельского населения Центра и Северо-Запада страны. С глобальной точки зрения природно-климатические условия этих регионов были не настолько различны, чтобы породить существенные особенности в основных показателях естественного движения сельских жителей. Большинство их по-прежнему занималось экстенсивным земледелием, которое требовало традиционного демографического воспроизводства. Лишь в 3—4 из 17 губерний и на Северо-Западе, и в Центре в начале XX в. были видны «робкие» признаки демографического перехода. Только применительно к Петербургской губернии можно говорить о значительном для аграрного общества снижении рождаемости, смертности, естественного прироста, брачности.

Для демографии весомее, чем географический фактор, были отрыв от земледельческой деятельности и втянутость села в торгово-промышленное развитие, которое не требовало предельно большого

числа работников в отдельной крестьянской семье. Но в данный отрезок российской истории упомянутый отрыв еще не означал полного отказа сельских жителей от крестьянского образа жизни.

П. Г. Рынзюнский убедительно показал, что для многих крестьян России вплоть до конца XIX столетия наиболее доступной формой отделения от сельского хозяйства являлся отход [21, с. 264]. А это свидетельствовало о том, что крестьянин-отходник в массе своей не отрывался полностью от семьи в деревне и, соответственно, от традиционного демографического воспроизводства. Кроме того, П. Г. Рынзюнский привел немало фактов промышленных и промысловых занятий в сельской местности и без всякого отхода. Так, в селах Владимирской губернии широко распространенная домашняя текстильная промышленность продолжала сочетаться с сельским хозяйством [21, с. 42]. В Калужской губернии основные доходы многие крестьянские дворы получали от промыслов, тем не менее в них занимались и обработкой земли [21, с. 76—80]. В Псковской губернии неземледельческие промыслы приблизились по доходам к традиционному источнику доходов этого региона — льноводству, но еще уступали данной отрасли сельского хозяйства [21, с. 86].

Необходимо учитывать и «откаты» в движении крестьян в города. Так, в 1880—1890-е гг. заметный возврат к земле происходил в Московской и Тверской губерниях [21, с. 112].

Наиболее тесной оставалась связь сельских жителей (в массе своей великорусских крестьян) с поземельной общиной и, добавим, с сельским православным приходом. Без документов общества нельзя было куда-либо далеко и надолго уехать, а также посещать в другом месте «чужой» приход [21, с. 99]. Последнее очень важно учитывать в демографических исследованиях, поскольку указанное ограничение вынуждало отходников или уже выселившихся, но не выписавшихся из общины крестьян играть в родных местах свадьбы и крестить детей. Все это, конечно, влияло на статистику брачности и рождаемости именно в сельской местности. Как известно, поземельная община занималась переделами земли по душам, а порой и по едокам. Понятно, что такие принципы наделения землей побуждали крестьян к ранним бракам и воспроизводству максимального числа детей (объективно — сколько позволит здоровье конкретной женщины, субъективно — «сколько Господь пошлет»). Уже давно (еще П. П. Семеновым в 1870-е гг.) установлена корреляция между разме-

ром земельного надела и числом детей в крестьянской семье: в бедных по наделению землей семьях было меньше детей. В данной трактовке бедность выступает как фактор понижения рождаемости. На наш взгляд, взаимосвязь была обратной: меньше земли при переделах получали семьи с меньшим числом детей, особенно мальчиков. Именно стремление к большему числу наделов и стимулировало предельно высокую рождаемость (само собой, учитывались примерно половинная доля мальчиков в числе родившихся и высокая младенческая смертность).

В рассмотренной нами выборке, видимо, только в Петербургской губернии отрыв сельских жителей от поземельной общины к началу XX столетия стал столь существенным, что повлиял на снижение традиционных демографических показателей. Здесь, по данным словаря Брокгауза и Эфрона, уже в 1880-е гг. редко проводились переделы земли, в районах более интенсивной обработки земли и производства специальных культур крестьянские хозяйства только формально оставались общинными, а в действительности принимали чисто индивидуальный характер [22, с. 276—285].

В других губерниях, где уже к началу XX в. беспередельная община все больше вытесняла передельную, где еще до столыпинской реформы проявился массовый выход на хутора, большинство крестьян, тем не менее, оставалось общинниками. Именно это и предопределяло сохранение традиционных черт их естественного движения.

Статья подготовлена по результатам НИР по Государственному контракту № 14.740.11.0206 от 15 сентября 2010 г. в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг.

Список источников и литературы

1. *Демографическая модернизация России, 1900—2000* / под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.
2. *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740—1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
3. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб., 1999. Т. 1.

4. *Население России в XX веке: исторические очерки.* М., 2000—2011. Т. 1—3.

5. *Нефедов С. А.* Демографический структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург, 2005.

6. *Нефедов С. А.* Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007.

7. *Миронов Б. Н.* Новая историческая демография имперской России: аналитический обзор современной литературы. Ч. 1—3 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2006. Вып. 4 ; 2007. Вып. 1, 3.

8. *Проблемы исторической демографии и исторической географии* / отв. ред. Ю. А. Поляков. М. ; Нижний Новгород, 2008.

9. *Демографические* и экологические проблемы истории России в XX веке : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Б. Жиromская, В. В. Канищев. М. ; Тамбов, 2010.

10. *Морозов С. Д.* Центральная Россия в 1897—1917 гг.: демографическое развитие. Пенза, 2001.

11. *Морозов С. Д.* Население Центральной России: демографическая ситуация на рубеже XIX—XX вв. М., 2005.

12. *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе (1861—1880). М., 1978.

13. *Ковальченко И. Д., Бородин Л. И.* Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX веков: опыт многомерного количественного анализа // История СССР. 1979. № 1.

14. *Бородин Л. И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.

15. *Статистическое обозрение Российской империи* / сост. В. де Ливрон. СПб., 1874.

16. *Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской за 1902 год.* СПб., 1907.

17. *Назаренко М. А.* Огородничество крестьян Петербургского уезда на рубеже XIX—XX веков // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2011. Вып. 18.

18. *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости. М., 1976.

19. *Федоров И. А., Краснова Л. В.* Феномен социальной кластеризации. Тамбов, 2010.

20. *Канищев В. В.* Кластерный анализ демографического поведения сельского населения Европейской России в начале XX в. и в начале XXI в. К постановке вопроса // Ineternum. 2011. № 1.

21. *Рындзюнский П. Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983.

22. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* СПб., 1900. Т. 56.